

Павел КОГАН: Не нужно делать из меня эксклюзивный экземпляр

Фрак, бабочка, дирижерская палочка — обладатели их, люди высокого искусства, кажутся простым смертным инопланетянами, живущими вне реальных проблем. Простые смертные не очень представляют, какова на самом деле жизнь Артиста, а посему, если вдруг задумываются на эту тему, создают в своем воображении удивительные картинки в богемно-пастельных тонах, весьма далекие от реальности. И все-таки жизнь человека, посвятившего себя искусству, отличается от жизни, знакомой большинству из нас. Особенно если этот человек — представитель великой музыкальной династии, художественный руководитель и главный дирижер Московского государственного академического симфонического оркестра.

Детство

— Когда были мальчишкой, вы учились хорошо? — Я уж не помню. Отличником не был, учился легко. Без проблем. С пяти лет стал заниматься на скрипке.

— На этом, конечно, детство кончилось.

— Учеба профессионала-музыканта — это тяжелая участь, но успевал и погулять.

— У вас была элитная компания или общение с народом все-таки присутствовало? Вы могли себе позволить подраться или это было запрещено? — Никогда не был пай-мальчиком. Бывало, дрался. Мог поколотить кого-то. Бывало, и мне доставалось.

— А родители не говорили — руки испортишь? — Говорить-то говорили... Но есть этапы человеческой жизни, которые нужно пройти самому, попробовать, ощутить. А дальше... Как Бог распорядится.

Семья

— Если вы имеете в виду жену, я разведен в данный момент. Но семья — это не только жена. У меня есть взрослый сын — осенью ему будет девятнадцать. Скрипач. Недавно он даже ездил в Англию как солист с моим оркестром. Моя мама — Елизавета Гилельс, знаменитая скрипачка. Моя сестра — Нина. Пианистка замечательная, много лет проработавшая с отцом как ансамблист. Вот основы моей семьи.

Быт

— Вы хозяйственный человек? — Нет. До катастрофы. Готовить не имею вообще. Никогда в жизни ничего не приготовил. Никогда посуду не мыл. Не стирал. И так далее. Везло. А теперь это уже привычка.

— Из еды предпочитаете жареную картошку или крабов-омаров?

— Люблю и простую еду. Мальчишкой был большим консерватором в еде, а потом пришлось много по миру ездить и попробовать разные кухни, стал гораздо прогрессивнее в этом вопросе. И омары, и крабы, и сырая рыба, и китайская кухня, и японская мне очень нравятся.

— Кто за вашей одеждой следит? — Я сам.

— А кто выбирает? — Я не уделяю этому много времени. Одежду всегда покупаю наскоком. Нет времени, нет времени, потом заскочил в какой-то магазин — раз, раз, раз — все, гардероб обновил. Я знаю, некоторые люди продумывают свой стиль, подбирают — это должно быть к этому, это к тому... У меня этот вопрос решается спонтанно.

— Вы руководитель огромного оркестра, но можете себе позволить появиться в консерватории в свитере. Это стиль? — Я же не чиновник. Я артист. И это часто меня обязывает быть в костюме с галстуком и в белой рубашке. Но я предпочитаю неформальный стиль. Джинсы, свитер.

— Вы руководитель огромного оркестра, но можете себе позволить появиться в консерватории в свитере. Это стиль?

— Я же не чиновник. Я артист. И это часто меня обязывает быть в костюме с галстуком и в белой рубашке. Но я предпочитаю неформальный стиль. Джинсы, свитер.

Темперамент

— У вас хороший характер? — Кто же скажет про себя, что у него плохой характер? Я человек эмоциональный. Когда что-то складывается с человеком, мне кажется, что большего несчастья, большего врага у меня нет, а потом сходит... Скажите, что я долго держу в памяти врагов, — такого нет.

— Если сразу не убили, тогда пусть живет? — Вот именно. Сразу убить не могу. А потом мстить, держать в голове — это не про меня.

— Чего вы не можете простить?

— Предательства.

— Было?

— О-о! И сколько! Жизнь вроде бы учит, а ошибки все равно совершаются.

— А вам случалось предавать? — Нет.

— Вы какой-то очень положительный — не курите, не пьете... — Я нормальный человек. Курил до 84-го года. Дымил как паровоз... Вот чего я никогда не делал — не надирался. Я не знаю, что такое отключка спяну. Некую расслабленность чувствовал. Но пьяным не был никогда.

— А на безумные поступки вы способны? — А сколько я их делал!

— Сколько? — Не считал.

— Ради женщин? — И не только. У меня знак Зодиака — Близнецы. Меня порой двое. Один говорит: «Вперед!» Другой: «Стоять!» Бывает, что первый побеждает. И тогда совершается безумный поступок.

— В чем он выражается? — Трудно так сказать. Наверное, как у всех.

— Как у всех? — Это у вас прямо присказка.

— А потому что не надо делать из меня какой-то эксклюзивный экземпляр.

— А на безумные поступки вы способны?

— А сколько я их делал!

— Сколько? — Не считал.

— Ради женщин? — И не только. У меня знак Зодиака — Близнецы. Меня порой двое. Один говорит: «Вперед!» Другой: «Стоять!» Бывает, что первый побеждает. И тогда совершается безумный поступок.

— В чем он выражается? — Трудно так сказать. Наверное, как у всех.

— Как у всех? — Это у вас прямо присказка.

— А потому что не надо делать из меня какой-то эксклюзивный экземпляр.

Дружба

— Возможны ли для вас дружеские отношения с плохим музыкантом? — Работа — это работа, дружба — это дружба. Это вещи не взаимосвязанные... Я стараюсь, чтобы в оркестре не было людей, которые играют не на том уровне, на каком мне бы хотелось. Это моя задача как руководителя. И это снимает проблему возникновения дружеских симпатий к плохому музыканту — я с ним просто не имею возможности познакомиться.

Талант

— Многие музыканты уехали. Вам такая идея не приходила? — В «те» времена меня всегда в этом подозревали. За границу по этой причине часто не выпускали. Но они не понимали, что, если бы я хотел удрать, удрал бы давно-давно. А сейчас что значит — уезжают, остаются? Сейчас границы прозрачные. Человек, слава Богу, свободен в передвижениях. И поэтому сегодня важно одно — где твой дом. Купил человек дом в Финляндии — он живет в Финляндии. Квартира у него в Москве — он живет в Москве. Вот и все. Правильнее говорить не о том, кто уехал или остался, а о том, кто старается поддерживать высокий престиж русской музыкальной культуры.

— А говорят, земля наша талантами не скудеет, несмотря ни на что.

— Весьма спорное утверждение. Я думаю, великих талантов не бывает много. Если появляются два или даже один — это же событие. За последние годы на скрипичном небосклоне появились два настоящих таланта — Репин и Венгеров. Где они живут — для меня роли не играет. Это два представителя русской скрипичной школы. Это нормально. Не может быть конвейера талантов.

Деньги

— Вы как-то сказали, что никогда не сыграли ни одной ноты, не взмахнули палочкой, предварительно подумав об оплате.

— Никогда. Нет, я не хочу фарисействовать. Говорить, что я такой бескорыстный, бесребреник, не от мира сего, что меня ничего в жизни не волнует... Совершенно нормальный человек. Люблю жизнь, я все люблю. Как и все другие люди. Но я действительно никогда не думаю о том, сколько в итоге получу, если мне интересно само дело.

— Это ведь чисто русское качество. Именно так мы все и жили довольно долго.

— Когда в других областях — это ненормальное качество. Но в творчестве — обязательное, мне кажется, даже вне зависимости от системы. Мы сейчас резко меняемся. Раньше люди нашего круга, музыканты жили не хлебом единым. Достаточно вспомнить, как основался оркестр Баршай в 50-х годах. Он собрал единомышленников — 18 или 19 человек. И люди репетировали месяцами, если не годами, получая за это копейки. Им хватало лишь на самую простую пищу. Но они дошли до совершенства. Был создан уникальный оркестр — Московский камерный. Лучший в мире. Но все просто — люди работали совершенно бескорыстно, отдавая полностью самих себя, не считаясь ни с чем.

— А сейчас студент первого курса высшего учебного заведения не откроет инструмент, пока не получит ответ на вопрос: «Сколько?».

— Творчество превращается в бизнес. И во всем мире так. А бизнес — это стандарт. Стандарт стал очень высоким. Но настоящая индивидуальность — что называется, ручная сборка — ее становится все меньше. А стандарт поднимается.

— И чем это кончится? — Не знаю. Я же не предсказатель.

— Когда в других областях — это ненормальное качество. Но в творчестве — обязательное, мне кажется, даже вне зависимости от системы. Мы сейчас резко меняемся. Раньше люди нашего круга, музыканты жили не хлебом единым. Достаточно вспомнить, как основался оркестр Баршай в 50-х годах. Он собрал единомышленников — 18 или 19 человек. И люди репетировали месяцами, если не годами, получая за это копейки. Им хватало лишь на самую простую пищу. Но они дошли до совершенства. Был создан уникальный оркестр — Московский камерный. Лучший в мире. Но все просто — люди работали совершенно бескорыстно, отдавая полностью самих себя, не считаясь ни с чем.

— А сейчас студент первого курса высшего учебного заведения не откроет инструмент, пока не получит ответ на вопрос: «Сколько?».

— Творчество превращается в бизнес. И во всем мире так. А бизнес — это стандарт. Стандарт стал очень высоким. Но настоящая индивидуальность — что называется, ручная сборка — ее становится все меньше. А стандарт поднимается.

— И чем это кончится? — Не знаю. Я же не предсказатель.

Малер — это колоссально

— В этом году вы завершили цикл «Весь Малер». Не самый популярный у нас композитор. Про Малера мы в основном знали из рассказов Андроникова, когда он, изображая Соллертинского, очень смачно говорил: «Малер — это колоссально! Малер — это гениально!» Вас Андроников натолкнул на Малера?

— Я знал Ираклия Луарсавовича. Изумительный был человек. А Малера мы стали делать, потому что это композитор-символ, композитор-Царь, наверное. Он стоит над всем композиторским искусством всего человечества. Хотя даже на Западе его по-настоящему открыли сравнительно недавно. В начале шестидесятых годов. Во многом благодаря Леонарду Бернстайну, который, являясь иностранным гражданином, более того — американцем, открыл Малера австрийцам. Он был первым, кто планомерно дирижировал и делал всего Малера. Сначала на посту главного дирижера Нью-Йоркской филармонии, а потом и в Ев-

ропе. А у нас в России пионером был Кирилл Кондрашин. Он в 60-х годах объявил цикл симфоний Малера и сыграл большую его часть. Не сыграл некоторые вокальные циклы, не сыграл «Песнь о земле», не сыграл Восьмую симфонию, знаменитую; где участвуют сотни исполнителей, которая требует самых больших организационных усилий. Исторически сложилось так, что мы первыми в нашей стране сыграли всего Малера. Причем от звонка до звонка — точно в срок, точно в установленные даты, не подведя, не перенеся даже на один день ни один из концертов на протяжении двух лет.

Отдых

— Где вы любите отдыхать? — Отдыхаю я нечасто. И, честно говоря, отдыхать не умею. Натура у меня слишком беспокойная. Я люблю мечтать об отдыхе. Мечтаю, мечтаю... Высказываюсь на эту тему... А когда этот момент настает, я уже через три дня не знаю, куда себя девать. Опять нужна деятельность, творчество.

— А когда мечтаете...

— А когда мечтаю, это хорошо. Сейчас я мечтаю. Уйти от забот каждодневных, от постоянного стресса, отоспаться...

Пристрастия

— Если вы захотите куда-то поехать или купить какую-то вещь, вы это можете себе позволить? — Зависит от того, куда поехать и какую вещь. С тем, чтобы куда-то поехать, становится все сложнее. Я очень занятой человек. У меня расписан буквально каждый день.

— А вы любите какие-то вещи — машины, например?

— Люблю, люблю, люблю. Обожаю автомобили. Люблю бытовую электронику, люблю часы.

— Как можно любить часы? Они же нужны одни. Или вы их меняете все время?

— Не все время, но одни часы на всю жизнь я тоже не покупаю. Я люблю их как синтез человеческой мысли, труда, технологии, традиций производства, эстетики и, естественно, непосредственного их назначения, чтобы они наиточнейшим образом выполняли свои функции. Люблю, чтобы там был механизм замечательный.

— А у вас замечательный? — Хороший. «Лонжин».

— Имеет значение, как они выглядят?

— Имеет значение, как они сделаны. Хорошие часы также отличаются, как хорошая обувь или одежда.

— А что вы себе привозите в подарок?

— Если я еду с оркестром на гастроли, у меня вообще не бывает никакого времени, даже просто выйти куда-то. Если вдруг случается свободное утро, мне не хочется идти за покупками... Посмотришь что-то интересное, если первый раз в городе, или просто отдохнешь. Покупаю то, что хочется. Ничего не собираю, не коллекционирую.

— Вы сказали, что любите машины, но у вас, по моему, машина не самая замечательная.

— Ну при том, что у меня нет гаража, я живу в самом центре, около консерватории, иметь хорошую машину просто невозможно.

— Украдут?

— Эту-то не украдут. Надеюсь. Хотя тоже могут. А если завести какую-то другую — украдут обязательно. А машины я очень люблю.

— Какую бы вы себе подарили, если бы был гараж?

— Коллекцию я бы себе подарил.

— Если вы захотите куда-то поехать или купить какую-то вещь, вы это можете себе позволить?

— Зависит от того, куда поехать и какую вещь. С тем, чтобы куда-то поехать, становится все сложнее. Я очень занятой человек. У меня расписан буквально каждый день.

— А вы любите какие-то вещи — машины, например?

— Люблю, люблю, люблю. Обожаю автомобили. Люблю бытовую электронику, люблю часы.

— Как можно любить часы? Они же нужны одни. Или вы их меняете все время?

— Не все время, но одни часы на всю жизнь я тоже не покупаю. Я люблю их как синтез человеческой мысли, труда, технологии, традиций производства, эстетики и, естественно, непосредственного их назначения, чтобы они наиточнейшим образом выполняли свои функции. Люблю, чтобы там был механизм замечательный.

— А у вас замечательный? — Хороший. «Лонжин».

— Имеет значение, как они выглядят?

— Имеет значение, как они сделаны. Хорошие часы также отличаются, как хорошая обувь или одежда.

— А что вы себе привозите в подарок?

— Если я еду с оркестром на гастроли, у меня вообще не бывает никакого времени, даже просто выйти куда-то. Если вдруг случается свободное утро, мне не хочется идти за покупками... Посмотришь что-то интересное, если первый раз в городе, или просто отдохнешь. Покупаю то, что хочется. Ничего не собираю, не коллекционирую.

— Вы сказали, что любите машины, но у вас, по моему, машина не самая замечательная.

— Ну при том, что у меня нет гаража, я живу в самом центре, около консерватории, иметь хорошую машину просто невозможно.

— Украдут?

— Эту-то не украдут. Надеюсь. Хотя тоже могут. А если завести какую-то другую — украдут обязательно. А машины я очень люблю.

— Какую бы вы себе подарили, если бы был гараж?

— Коллекцию я бы себе подарил.

— Если вы захотите куда-то поехать или купить какую-то вещь, вы это можете себе позволить?

— Зависит от того, куда поехать и какую вещь. С тем, чтобы куда-то поехать, становится все сложнее. Я очень занятой человек. У меня расписан буквально каждый день.

— А вы любите какие-то вещи — машины, например?

— Люблю, люблю, люблю. Обожаю автомобили. Люблю бытовую электронику, люблю часы.

— Как можно любить часы? Они же нужны одни. Или вы их меняете все время?

— Не все время, но одни часы на всю жизнь я тоже не покупаю. Я люблю их как синтез человеческой мысли, труда, технологии, традиций производства, эстетики и, естественно, непосредственного их назначения, чтобы они наиточнейшим образом выполняли свои функции. Люблю, чтобы там был механизм замечательный.

— А у вас замечательный? — Хороший. «Лонжин».

— Имеет значение, как они выглядят?

— Имеет значение, как они сделаны. Хорошие часы также отличаются, как хорошая обувь или одежда.

— А что вы себе привозите в подарок?

— Если я еду с оркестром на гастроли, у меня вообще не бывает никакого времени, даже просто выйти куда-то. Если вдруг случается свободное утро, мне не хочется идти за покупками... Посмотришь что-то интересное, если первый раз в городе, или просто отдохнешь. Покупаю то, что хочется. Ничего не собираю, не коллекционирую.

— Вы сказали, что любите машины, но у вас, по моему, машина не самая замечательная.

— Ну при том, что у меня нет гаража, я живу в самом центре, около консерватории, иметь хорошую машину просто невозможно.

— Украдут?

— Эту-то не украдут. Надеюсь. Хотя тоже могут. А если завести какую-то другую — украдут обязательно. А машины я очень люблю.

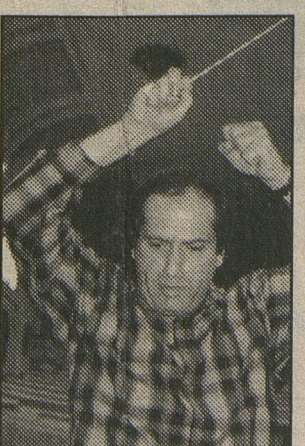
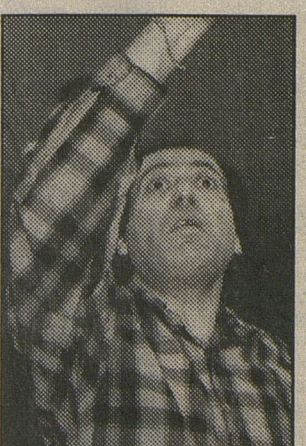
— Какую бы вы себе подарили, если бы был гараж?

— Коллекцию я бы себе подарил.

Цель жизни

— Что вы хотите сделать в жизни? — Не могу сказать, что я слишком трепетно отношусь к таким понятиям, как «увековечить», «оставить след», «остаться в памяти людской», чтобы когда-то потом... В моем варианте — нет. Мне хочется делать в жизни то, что мне хочется делать в сей момент. Если это весь цикл Малера, это означает, что я совершенно влюблен, потрясен его философией, его музыкой. Его композиторским даром. Я это делаю потому, что я так чувствую в данный момент. А не для того, чтобы кто-то сказал: «А вы знаете...». В общем, я меньше думаю о том, что после, а больше о том, что сейчас.

Встречалась
Наталья ЛОГИНОВА.
Фото автора.

18.9.98

124